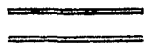

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ

СЕНСАЦИОННЫЯ ПОЛИТИЧЕСКІЕ
РАЗОБЛАЧЕНІЯ И ДОКУМЕНТЫ.

Выпускъ 1.

Москва, —1917.

ПАУТИНА.

(Бурцевъ и нѣмецкій шпіонажъ).

Маленькій, неуютный номеръ гостиницы.

Владиміръ Львовичъ ходитъ изъ угла въ уголъ.

Онъ только-что разсказалъ свои парижскія впечатлѣнія, свои встрѣчи съ агентами полиціи, съ извѣстными провокаторами, отмѣтилъ свое удивительное, нравственное воздѣйствіе на нихъ и перешелъ на главную и страшную тему.

— Все несчастье Россіи заключается въ томъ, что она воюетъ съ нѣмцами, уже завоеванная въ сущности ими... Вы не подозрѣваете, какой паутиной мы окутаны... Мы задыхаемся... намъ нечѣмъ дышать... Въ началѣ войны Германія виртуозно использовала самодержавіе, имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлый штабъ прислужниковъ его. Борьба въ этомъ пацавленіи была бесполезна. Началась революція, нѣмцы великолѣпно приспособились къ ней и шли нога въ ногу съ ея ходомъ. Вы не подозрѣваете, какъ большинство нашихъ политическихъ событій имѣютъ своей отправной точкой Германію. А политическіе инциденты, теченія, факты? Мы въ плѣну у нѣмцевъ. Но ужасъ еще не въ этомъ. Ужасъ въ томъ, что для борьбы съ этимъ кошмаромъ почти ничего не дѣлается, что правительство инертно, что борются съ этимъ считается дурнымъ политическимъ тономъ, что до сихъ поръ не сдѣлано ни одного нужнаго, вѣрнаго, смѣлаго шага, что дѣятельность контръ-развѣдки смѣхотворна, что она требуетъ, наконецъ, непосредственной ревизіи.

Ужасъ въ томъ, что всѣмъ, кто борется съ этимъ и пытается бороться, затыкаютъ ротъ, что даже при новомъ строѣ такія дѣла, какъ комиссія генерала Батюшина, требуютъ всесторонняго и безпристрастнаго освѣщенія.

Генералу Батюшину приписываютъ совсѣмъ не такую роль, какую онъ игралъ. Это не «вымогатель», а борецъ, и если онъ сидитъ, то только за то, что дѣятельно взялся за борьбу съ нѣмецкимъ шпіонажемъ.

Вѣрить рассказамъ плѣнныхъ нельзя, но зато есть такіе факты, отъ которыхъ небу станетъ жарко,—намъ хоть бы что!

* * *

Только теперь можно окончательно выяснить, какъ нѣмцы провели всю рижскую «операцію»...

Получивъ самыя точныя свѣдѣнія о состояніи рижской арміи, которую они знали, какъ свои пять пальцевъ, нѣмцы начали готовить наступленіе въ самыхъ «широкихъ» рамкахъ. Расположеніе нашихъ батарей, складовъ боевыхъ и продовольственныхъ, и даже обыкновенныхъ мелочей, все было извѣстно германскому штабу. Они даже знали, какіе полки еще не распропагандированы, въ какихъ полкахъ работа большевиковъ и просто нѣмецкихъ агентовъ была доведена до виртуозности... Подъ конецъ сами нѣмцы запутались, гдѣ работа большевиковъ, а гдѣ — ихъ агентовъ. Особенно нѣмцы интересовались «Окопной Правдой» и прочими пораженческими организаціями, которыхъ въ Ригѣ было безъ числа. Также нѣмцы знали, что представляетъ изъ себя «Искосоль». Начавшіяся репрессіи противъ большевиковъ и медленное возрожденіе нашей арміи сильно встревожили германскій штабъ и заставили его ускорить подготовлявшуюся «операцію».

Я помню, еще за недѣлю до печальныхъ событій въ городѣ определенно говорили о взятіи въ ближайшіе дни Риги. Особенно сильно нервничала контора бумажной фабрики въ Лигатѣ, которая усиленно торопила своихъ покупателей привезти въ Ригу купальную бумагу, предлагая для этого использовать всякіе способы... А черезъ недѣлю Рига пала. На фабрикѣ былъ произведенъ обыскъ, такъ какъ многіе солдаты видѣли, какъ изъ фабричнаго корпуса были выпущены почтовые голуби, которые улетѣли въ Ригу...

Нѣтъ ни времени, ни мѣста перечислять тысячи фактовъ предательства и явной продажи русекой арміи. Борьбѣ съ ними не было никакой физической силы. Всѣ знали, что творится нѣчто невѣроятное, но никто не могъ ничего сдѣлать. Одинъ генералъ Балтійскій пытался бороться, но на его голову посыпались тысячи обвиненій. Словомъ, нѣмцы прекрасно организовали нашу ближайшій тылъ.

А на фронтѣ у нихъ обстояло еще лучше. Они форсировали рѣку почти безъ всякихъ потерь, такъ какъ сразу задавили нашу артиллерию и оглушили гѣхету. А затѣмъ немедленно перебросили со своего лѣваго фланга почти всѣ свои силы, оставивъ лишь небольшой заслонъ. И у нихъ сразу освободились три дивизіи.

Они знали, что мы быстро уйдемъ изъ приморскаго района, а потому дѣйствовали безъ промаха. Кромѣ того, послѣ прорыва фронта нѣмцы принялись за нашъ тылъ, гдѣ вносили панику и мѣшали всякими способами передвиженію обоза и тыловыхъ частей. Я самъ видѣлъ, какъ въ Ригу возвращались неизвѣстные солдаты на самокатахъ и велосипедахъ. Они разбѣгались по дорогамъ вѣ сторону проталинъ

о приближеніи нѣмецкой кавалеріи и нѣсколькихъ дивизій германской пѣхоты. Только чудо спасло нашу армію отъ полнаго разгрома...

Только теперь наша армія смогла наполовину стряхнуть съ себя большевистскую накипь и свободно вздохнуть. Отвратительное чудовище—Рига осталась у нашего врага. Часть большевиковъ разбѣжалась, и наши полки сразу стали боеспособными. Я помню, въ день нашего тяжкаго отхода мѣстные большевики выпустили огромный листокъ, очевидно переведенный съ нѣмецкаго языка на русскій. Листокъ этотъ былъ отпечатанъ въ Венденѣ. Но успѣха онъ не имѣлъ, такъ какъ солдаты уже косо смотрѣли на своихъ «товарищей».

Словомъ, Ригу продали нѣмцамъ, и если кому не лѣнь, то онъ можетъ собрать богатѣйшій матеріалъ для сенсаціоннаго романа или просто для нравоученія будущему поколѣнію.

О ТОМЪ, КАКЪ ВСЕ ЭТО ПРОИЗОШЛО.

(Дѣло Корнилова).

Требованіе Корнилова.

Событія послѣдняго времени какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу выдвинули на первую очередь вопросъ о неотложномъ преобразованіи высшаго государственнаго правленія. Верховный Главнокомандующій неоднократно обращалъ вниманіе Правительства на тѣсную связь между тыломъ и фронтомъ въ вопросѣ о боеспособности арміи. Соответственно съ этимъ онъ выдвинулъ рядъ требованій, которыя Правительство фактически не ввело въ дѣйствіе, хотя неоднократно увѣряло, что въ общемъ согласно съ точкой зрѣнія ген. Корнилова. Послѣднія событія на Рижскомъ фронтѣ, неслышанная въ военной исторіи переправа черезъ такую водную преграду, какъ Двина, непріятельской конницей почти безъ потерь, паденіе Риги, съ другой стороны—грандіозный пожаръ въ Казани, уничтожившій огромное количество боевыхъ снарядовъ,—еще разъ наглядно подчеркнули необходимость борьбы съ общей разгрузкой не только путемъ тѣхъ или иныхъ мѣръ законодательныхъ постановленій, но и путемъ объединенія власти въ арміи и въ тылу. Сознаніе это было не чуждо, какъ казалось, и самому Временному Правительству.

Савинковъ и Львовъ.

Объ этомъ говорилъ съ верховнымъ главнокомандующимъ управл. м-вомъ Савинковъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Ставкѣ. Въ виду предполагавшагося въ концѣ мѣсяца выступленія большевиковъ въ Петроградѣ Савинковъ просилъ генерала Корнилова послать къ Петрограду конный корпусъ подъ начальствомъ ген. Корнилова. Въ то же время петроградскій военный округъ, за исключеніемъ

Петрограда и нѣкоторыхъ пригородовъ, подчинился было власти верховнаго главнокомандующаго. Вслѣдъ за Савинковымъ въ Ставку пріѣхалъ членъ Государственной Думы В. Н. Львовъ. Онъ явился къ временному главнокомандующему въ качествѣ лица, уполномоченнаго министромъ-предсѣдателемъ Керенскимъ выяснитъ точку зрѣнія ген. Корнилова на вопросъ о наиболѣе дѣлсообразномъ способѣ созданія сильной власти.

Три варианта.

При этомъ В. Н. Львовъ указывалъ на три возможныхъ варианта новаго Правительства: согласно первому же центральная роль въ Правительствѣ принадлежала бы Керенскому, всѣ прочіе члены кабинета являлись бы лишь сотрудниками, ему подчиненными. Второе предложеніе выдвигалось о сильномъ правительствѣ, въ коемъ всѣ члены были бы облечены равной властью. Наконецъ, третье предположеніе указывало на возможность предоставить преобладающее положеніе военному элементу въ лицѣ верховнаго главнокомандующаго, при чемъ В. Н. Львовъ спрашивалъ мнѣнія генер. Корнилова о томъ, считаетъ-ли онъ желательнымъ, чтобы въ составъ кабинета вошли бы Керенскій и Савинковъ въ этомъ случаѣ или нѣтъ.

Желателенъ пріѣздъ Керенскаго и Савинкова.

Генер. Корниловъ высказался за *третью* комбинацію, о чемъ и уполномочилъ своего собесѣдника довести до свѣдѣнія министра-предсѣдателя, что признаетъ желательнымъ безотлагательный пріѣздъ въ Ставку Керенскаго и Савинкова, такъ какъ, въ виду развитія событій въ Петроградѣ, онъ не можетъ ручаться за ихъ личную безопасность въ этомъ городѣ въ ближайшіе дни.

Въ субботу, 26 августа, министръ-предсѣдатель вызвалъ ген. Корнилова по прямому проводу и просилъ его подтвердить, уполномочили ли онъ В. Н. Львова передать ему свои предположенія. На утвердительный отвѣтъ верховнаго главнокомандующаго А. Ф. Керенскій спросилъ, продолжаетъ-ли онъ считать желательнымъ безотлагательное прибытіе въ Ставку его и Савинкова. На этотъ вопросъ верховный главнокомандующій также отвѣтилъ утвердительно. А. Ф. Керенскій сказалъ, что теперь въ субботу уже поздно выѣхать и отвѣздъ придется отложить до воскресенья.

Ген. Корниловъ сказалъ, что будетъ ожидать ихъ обоихъ въ понедѣльникъ, 28 числа.

Распоряженіе отправить войска въ Петроградъ.

Полагая, что между нимъ и министромъ-предсѣдателемъ установилось принципиальное согласіе, верховный главнокомандующій отдалъ распоряженіе въ подкрѣпленіе уже даннымъ ранѣе приказаніямъ объ отправкѣ къ Петрограду нужныхъ воинскихъ частей. Въ то же время онъ по телефону обратился въ виднымъ политическимъ дѣятелямъ для обсужденія создавагося положенія, имѣя въ виду привлечь ихъ вмѣстѣ съ членами Временнаго Правительства къ составленію новаго кабинета, который, по мнѣнію ген. Корнилова, долженъ былъ осуществлять строго демократическую программу, закрѣпляя народную свободу и поставивъ во главѣ угла разрѣшеніе земельного вопроса.

Сдать командованіе Лукомскому.

На слѣдующее утро, въ воскресенье, 27 августа, ген. Корниловъ получилъ по телефону предписаніе министра-предсѣдателя сдать верховное командованіе арміей ген. Лукомскому до назначенія новаго верховнаго главнокомандующаго, а самому отбыть въ Петроградъ. Телеграмма эта крайне удивила верховнаго главнокомандующаго, ибо шла вразрывъ съ переговорами по прямому проводу, только что имѣвшими мѣсто наканунѣ вечеромъ. Ген. Лукомскій телеграфировалъ министру предсѣдателю.

Съ своей стороны ген. Корниловъ принялъ рѣшеніе не покидать поста верховнаго главнокомандующаго, нѣкоторое время спустя военный министръ Савинковъ вызвалъ генерала Корнилова по прямому проводу и имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе, заявивъ, что соображеніе, изложенное ген. Лукомскимъ, не соответствуетъ истинѣ и является клеветой на него, Савинкова, не предлагавшаго никакихъ политическихъ комбинацій, управляющій м-вомъ выставилъ ген. Корнилову цѣлый рядъ упрековъ въ стремленіи къ диктатурѣ изъ личныхъ цѣлей, въ преступленіи противъ родины въ томъ, что онъ содѣйствуетъ торжеству императора Вильгельма, открывая фронтъ, въ томъ, что не онъ, Савинковъ, виноватъ, что ему не удалось сблизить Корнилова съ демократіей. Въ заключеніе онъ взывалъ къ патриотизму и чувству долга ген. Корнилова, приглашая его подчиниться приказаніямъ Временнаго Правительства и отбыть изъ арміи.

Ген. Корниловъ отвѣтилъ съ своей стороны, что ему не приходится учиться чувству долга и преданности къ родинѣ у кого либо изъ членовъ Временнаго Правительства, что эту преданность онъ

доказалъ неоднократно, рискуя своею жизнью, что именно сознание своего долга передъ родиной налагаетъ на него тяжелую отвѣтственную обязанность остаться на своемъ посту. Въстѣ съ тѣмъ, отвергая мысль о какихъ-либо личныхъ честолюбивыхъ замыслахъ, ген. Корниловъ устанавливалъ, что къ А. Ф. Керенскому не онъ посылалъ В. Н. Львова, а послѣдній самъ явился въ качествѣ посланца министра-предсѣдателя, предлагавшаго въ числѣ прочихъ комбинацію, ту, при коей главнымъ объединяющимъ лицомъ былъ бы онъ, ген. Корниловъ. Савинковъ призналъ, что посредничество Львова было несчастнымъ. Однако приказанія Временнаго Правительства объ оставленіи ген. Корниловымъ своего поста не было отменено, несмотря на признаніе Савинковымъ возможности недоразумѣній, на коемъ оно было основано. Постъ верховнаго главнокомандующаго былъ предложенъ ген. Клембовскому, который отъ него отказался. Всѣ главнокомандующіе фронтами выразили свою солидарность верховному главнокомандующему.

Разрывъ.

Въ такихъ условіяхъ совершился разрывъ Временнаго Правительства съ верховнымъ главнокомандующимъ и высшимъ команднымъ составомъ всей арміи.

Не теряя до послѣдней минуты надежды на то, что правительство вернется къ прежнему своему рѣшенію и пойдетъ на путь соглашенія съ нимъ для образованія сильнаго правительства народной обороны, верх. главнокоманд. обратился со слѣдующимъ къ нему призывомъ.

Воззвание Корнилова.

Я, верховный главнокомандующій, генералъ Корниловъ, перенесши на своемъ лицѣ весь гнѣвъ народа объявляю, что долгъ солдата, самоотверженность гражданина Свободной Россіи и беззаветная любовь къ родинѣ заставили меня въ эти тяжелыя минуты бытія отечества не подчиниться приказанію Временнаго Правительства поставить за собой верховное командованіе арміей и флотомъ. Поддержанный въ этомъ рѣшеніи всѣми главнокомандующими фронта, — я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устраненію меня отъ должности верховнаго главнокомандующаго. Истинный сынъ народа русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву родинѣ самое большее, что онъ имѣетъ, — свою жизнь. Въ эти, поистинѣ, ужасныя минуты существованія отечества, когда подступы къ обѣимъ столицамъ почти открыты для побѣдоноснаго движенія торжествующаго врага, — Временное Правительство, забывъ великій вопросъ самаго независимаго существованія страны кладетъ въ народъ при-

врачный страх контръ-революціи, которую оно само своимъ неумѣ-
ніемъ къ управленію, своей слабостью во власти, своей нерѣшитель-
ностью въ дѣйствіяхъ вызываетъ къ скорѣйшему воплощенію.

Не мнѣ, кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на гла-
вахъ воѣхъ отдавшему на беззавѣтное служеніе ему—не стоять на
стражѣ великихъ свободъ великаго будущаго своего народа. Довынѣ
будущее вто въ слабыхъ, безвольныхъ рукахъ. Надменный врагъ
посредствомъ подкупа и предательства распорядится у насъ, какъ
у себя дома, нести гибель не только свободѣ, но и существованію
народа русскаго. Очнитесь, люди русскіе, отъ безумія ослѣпленія и
вглядитесь въ бездонную пропасть, куда стремительно идетъ наша ро-
дина. Избѣгая всякихъ потрясеній, предупреждая какое-либо про-
литіе русской крови, междуусобной брани и забывая воѣ обиды и
оскорбленія, я передъ лицомъ всего народа обращаюсь къ Временному
Правительству и говорю:

Пріѣзжайте ко мнѣ въ ставку, гдѣ свобода ваша и безопасность
обезпечены моимъ честнымъ словомъ и несомѣстно со мной вырабо-
тайте и образуйте такой составъ народной обороны, который, обез-
печивая свободу, вель бы народъ русскій къ великому будущему,
достойному могучаго свободнаго народа.

Генераль Корниловъ.

28-го августа.

Телеграмма генерала КОРНИЛОВА.

Телеграмма Министра Предсѣдателя за № 4666 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я посылаю члена Государственной Думы Владимира Львова къ временному правительству, а онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя. Тому свидѣтель членъ 1-ой Государственной думы Аладьинъ. Такимъ образомъ, совершилась великая провокація, каковая ставитъ на карту судьбу отечества.

Русскіе люди, великая родина наша погибаетъ, близокъ часъ кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генераль Корниловъ, заявляю, что Временное Правительство подъ давленіемъ большевистскаго большинства Совѣтовъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба и одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на Рижскомъ побережьи убиваетъ армію и потрясаетъ страну. Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ въ эти грозныя минуты призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей родины. Всѣ, у кого бьется русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ храмъ, молит Господа о явленіи величайшаго чуда, чуда спасенія родимой земли. Я, генераль Корниловъ, сынъ крестьянина и казака заявляю всѣмъ и каждому, что лично мнѣ ничего не надо, кромѣ сохраненія Великой Россіи и клянусь довести народъ путемъ побѣды надъ врагомъ до Учредительнаго Собранія, на которомъ онъ самъ рѣшитъ свою судьбу и выберетъ укладъ своей новой государственной жизни, предать же Россію въ руки ея исконнаго врага, германскаго племени, и сдѣлать русскій народъ рабомъ нѣмцевъ я не могу, не въ силахъ, и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама русской земли. Русскій народъ, въ твоихъ рукахъ жизнь твоей страны.

Генераль Корниловъ.

КЪ ИСТОРИИ „КОРНИЛОВЩИНЫ“.

Новые материалы.

Интересный материал, касающийся чрезвычайно сложной и все еще мало освещенной истории выступления генерала Корнилова даст газета «Свобода». Полагая, что сообщение фактического материала может сослужить пользу и пролить свѣтъ на это трагическое событіе недавнихъ дней, помещаемъ прилагаемые материалы, а также краткій очеркъ прошедшаго, составленный, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ, на основаніи матеріаловъ генерала Корнилова. Какова-бы ни была степень довѣрія къ этому материалу, но во всякомъ случаѣ должна быть услышана и обвиняемая сторона. Кромѣ того, приводимъ чрезвычайно любопытную «Записку о дѣятельности комиссара при верх. главнокомандующемъ Филоненко во время пребыванія его въ ставкѣ», «Исторію переговоровъ съ бывшимъ оберъ-прокуроромъ св. син. В. Львовымъ» и «Протоколъ пребыванія Савинкова въ Могилевѣ».

I.

Исторія выступления Корнилова.

24 августа въ ставку прибылъ б. управляющій военнымъ министерствомъ, Савинковъ, который привезъ отъ министра-предѣдателя Керенскаго проектъ мѣропріятій, составленный на основаніи предъявленныхъ Корниловымъ требованій, и заявилъ, что временное правительство ожидало выступления 28—29 августа большевиковъ, не уцѣрено въ своихъ силахъ и потому просить Корнилова поднести къ Петрограду Кавалерійскій корпусъ, стоявшій въ Псковѣ, Великихъ Лу-

кахъ и на ст. «Дно». При этомъ разговорѣ присутствовали генераль Романовскій и начальникъ собственного кабинета Керенскаго, полковникъ Барановскій.

Корниловъ въ тотъ же день отдалъ все распоряженія для подавленія возможнаго восстанія въ Петроградѣ, о чемъ Савинковъ былъ поставленъ въ извѣстность телеграммой.

На другой день, т.-е. 25 августа, въ ставку прибылъ членъ Гос. Думы В. Н. Львовъ, который предложилъ отъ имени Керенскаго выразить его взглядъ на организацію твердой власти, на что получилъ отвѣтъ, что единственнымъ исходомъ является установленіе диктатуры съ участіемъ Керенскаго, Корнилова, Савинкова и лучшихъ представителей общественныхъ силъ.

Въ этотъ разговоръ былъ посвященъ членъ первой Гос. Думы Аладьинъ, г. Завойко и правительственный комиссаръ при верх. главнокоманд. Филоненко. Последний предложилъ свою кандидатуру на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, но послѣ серьезнаго возраженія начальника штаба генерала Лукомскаго, согласился на постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

О прошедшемъ разговорѣ Керенскій 26 августа запросилъ Корнилова по телеграфу, — подтверждаетъ ли онъ то, что сказано Львову.

Не допуская мысли, что возможно искаженіе разговора, Корниловъ отвѣчалъ утвердительно и просилъ Керенскаго прибыть съ Савинковымъ въ ставку, такъ какъ въ Петроградѣ нельзя будетъ ругаться за ихъ безопасность.

Керенскій на это отвѣтилъ, что въ ставку онъ выѣдетъ 27 августа.

Утро 27 августа принесло нѣчто иное. Телеграммой Керенскаго указывалось Корнилову сдать должность верховнаго главнокомандующаго начальнику штаба Лукомскому, а самому немедленно выѣзжать съ Петроградъ.

Начальникъ штаба отказался принять должность, а Корниловъ сдать ее до полнаго выясненія обстановки, въ чемъ его поддерживали главнокомандующіе фронтами и комиссаръ Филоненко.

Въ теченіе 27 августа велись непрерывные переговоры по телеграфу съ Савинковымъ, изъ которыхъ выяснилось, что Керенскій и самъ Савинковъ отрицаютъ даже самый фактъ едѣланнаго имъ предложенія.

У Корнилова являлась мысль, можетъ быть и ложная, что подвозку къ Петрограду войскъ хотятъ поставить ему въ вину, какъ контръ-революціонный актъ. (Примѣчаніе. Подобное обвиненіе было предъявлено комиссаромъ Филоненко генералу Тихменеву относительно вызова кавказской дивизіи). И вотъ, зная, что его протестъ можетъ, имѣть только моральную силу. Корниловъ безъ предварительной подготовки, безъ всякой организаціи, предпринялъ исполненіе своего плана.

Телеграммы Корнилова телеграфисты съ обычной аккуратностью передавали, но эти телеграммы не шли дальше узловых станцій. Невозможно было даже установить авіаціонную связь, такъ какъ не было бензина.

II.

Ставка и комитетъ отдѣла ставки узнали о происшедшихъ событіяхъ только 29 августа утромъ. Событіе поразило всѣхъ, какъ громомъ, тѣмъ болѣе, что одновременно на улицахъ какія-то темныя личности открыто говорили, что скоро всѣхъ офицеровъ будутъ вѣшать.

Главный комитетъ союза офицеровъ рѣшилъ поддержать генерала Корнилова воззваніемъ, которое и было отпечатано 30 августа, но не распространялось въ виду общей растерянности.

Комитетъ отдѣла ставки не вынесъ никакого постановленія, такъ какъ не могъ собраться.

Въ гражданскомъ населеніи началась паника, и, если бы не были введены ударные батальоны и польскій легіонъ, вѣроятно, было бы избіеніе интеллигенціи и офицеровъ. Арестовъ Корниловъ не производилъ, но редакція газеты «Молоть», органъ мѣстнаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, скрылась, и это поставлено было въ вину офицерству, которое якобы ее арестовало.

Корреспондентъ резюмируетъ свое сообщеніе слѣдующимъ образомъ:

«Единственно, чего желаетъ теперь офицерство,—это гласнаго суда надъ всѣми, кто будетъ считаться замѣшаннымъ въ дѣлѣ Корнилова. Гласный судъ откроетъ народу очень многое.

Если генераль Корниловъ, который являлся для офицерства воплощеніемъ суровыхъ и законныхъ требованій дисциплины, порядка и боевого духа, будетъ казненъ, то офицерству останется только безудержно броситься въ демагогію и пойти въ этомъ отношеніи за солдатомъ. Тогда побѣда германскаго сапога неминуема»

Записка

о дѣятельности комитета при б. верховномъ главнокомандующемъ, М. М. Филоненко во время пребыванія ихъ въ ставкѣ.

Касаясь дѣятельности М. М. Филоненко по вопросамъ, не относящимся къ прямой его обязанности, необходимо отмѣтить слѣдующее:

1) Однажды вечеромъ Филоненко взволнованный пришелъ къ генералу Корнилову и сказалъ, что онъ послалъ Савинкову слѣдующую телеграмму: «Генераль Тихменевъ ведетъ коня Блѣднаго для Мирта». Генераль Корниловъ сказалъ, что онъ ничего не понимаетъ. Филоненко объяснилъ, что выраженіе «коня Блѣднаго» означаетъ—смерть, а слово «Мирта»—означаетъ Лавра, т. е. Корнилова; другими словами, что генераль Тихменевъ готовится покушеніе на генерала Корнилова.

Генераль Корниловъ сказалъ, что это—арунда, совершенно не правдоподобно, и онъ потому не можетъ придать никакого значенія.

Но слѣдствіемъ этой телеграммы явилась на другой день телеграмма отъ Савинкова о немедленномъ командированіи Тихменова въ Петроградъ.

Такъ какъ телеграмма была получена поздно, то отъѣздъ генерала Тихменова долженъ былъ состояться на слѣдующій день. Но въ назначенный день была получена вторая телеграмма отъ Савинкова, что надобность въ пріѣздѣ генерала Тихменова въ Петроградъ отпала. Какъ впоследствии выяснилось, контръ-адмиралъ Бубновъ, состоящій въ морскомъ штабѣ при верховномъ главнокомандующемъ, будучи въ Петроградѣ, случайно узналъ, что Тихменова за якобы вредную его дѣятельность съ ставкѣ, какъ председателя союза офицеровъ отѣла ставка, предполагается изъ ставки убрать, для чего онъ и вызывается въ Петроградъ. Вслѣдствіе заявленія контръ-адмирала Бубнова, что врядъ ли допустимо такимъ путемъ убирать офицеровъ изъ ставки, было рѣшено Тихменова не трогать.

2) Филоненко нѣсколько разъ настойчиво доказывалъ генералу Корнилову необходимость удаленія изъ ставки ген.-лейтенанта Лукомскаго, какъ служившаго въ ставкѣ при весьма рѣзкихъ и неудобныхъ здѣсь въ качествѣ начальника штаба. Объ этомъ же Филоненко говорилъ, и въ военномъ министерствѣ, но тамъ ему сказали, чтобы онъ на этомъ не настаивалъ. Въ личномъ же разговорѣ съ генераломъ Лукомскимъ Филоненко категорически отрицалъ какія-либо заявленія съ его стороны о необходимости убрать генерала Лукомскаго.

3) Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ генералу Корнилову Филоненко показывалъ полное согласіе со всѣми предначертаніями главноверха и говорилъ, что онъ идетъ съ нимъ рука-объ-руку. Достигнувъ полнаго довѣрія у ген. Корнилова, онъ естественно, былъ посвященъ во все предположенія главноверха о необходимости для арміи и Россіи установить твердую исполнительную власть, считая необходимымъ, чтобы главноверхъ входилъ въ составъ подобнаго сильнаго исполнительства. Относительно Керенскаго онъ неоднократно высказывался, что Керенскій уже выходя, и что онъ считаетъ совершенно ненужнымъ участіе Керенскаго въ составѣ того сильнаго правительства, которое должно быть образовано. Послѣ

разговоръ главноверха 24 августа съ Савинковымъ и 25 августа со Львовымъ (о послѣднемъ разговорѣ онъ все узналъ отъ ген. Корнилова). Филоненко въ разговорахъ съ Завойко и ген. Корниловымъ и членомъ первой Гос. Думы Аладьинымъ обсуждалъ проектъ состава такого правительства, которое, включая лучшихъ силъ всѣхъ главныхъ политическихъ партій, могло бы дать странѣ сильное, работоспособное и твердое правительство, которое бы пользовалось полнымъ довѣріемъ страны. Дабы избѣжать однопалатной диктатуры въ странѣ, намѣчалось сформировать изъ состава правительства «совѣтъ народной обороны» съ непремѣннымъ участіемъ въ этомъ совѣтѣ Керенскаго и Савинкова. Для себя Филоненко намѣчалъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, въ чемъ встрѣтилось серьезное возраженіе со стороны ген. Лукомскаго, высказанное послѣднимъ въ присутствіи ген. Корнилова, Завойко и Аладьина. При этомъ разговорѣ выяснилось, что въ крайнемъ случаѣ, Филоненко согласился бы принять портфель министра внутреннихъ дѣлъ, 26 августа, послѣ разговоровъ съ Львовымъ и Савинковымъ, а также вслѣдъ за разговоромъ съ Керенскимъ по прямому проводу о пріѣздѣ послѣдняго вмѣстѣ съ Савинковымъ въ ставку къ 28 августа, ген. Корниловъ былъ настолько убѣжденъ въ полномъ согласіи съ Керенскимъ и Савинковымъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, что вечеромъ занялся составленіемъ проекта состава будущаго правительства, который онъ предполагалъ обсудить 28 августа совмѣстно съ Керенскимъ, Савинковымъ, а также съ предсѣдателемъ Гос. Думы Родзянко, бывшимъ министромъ-предсѣдателемъ кн. Львовымъ и П. Н. Милюковымъ, которымъ были посланы телеграммы съ просьбой пріѣхать въ ставку.

4) 27 августа, послѣ полученія ген. Корниловымъ телеграммы отъ Керенскаго о смѣщеніи главноверха и о томъ, чтобы онъ, сдавъ должность начальника штаба, немедленно выѣхалъ въ Петроградъ, Филоненко, живущій съ ген. Корнилову, заявилъ, что въ виду создавшагося положенія и полученной имъ телеграммы изъ Петрограда объ отъѣздѣ его, Филоненко, въ ставку, онъ долженъ уѣхать немедленно. Видя въ Филоненке полную переѣмку и считаясь съ обстановкою, ген. Корниловъ ему заявилъ, что онъ его задерживаетъ въ ставкѣ до 28 августа. Филоненко, познакомившись со всей обстановкою, ту же въ кабинетѣ ген. Корнилова, написалъ слѣдующую телеграмму: «Временному Правительству, управляющему военнымъ министерствомъ. Считаю долгомъ сообщить, что принятое правительствомъ рѣшеніе о смѣнѣ генерала Корнилова въ обстановкѣ даннаго политическаго момента вызоветъ такую аварію и волненіе въ арміи, что фронтъ будетъ открытъ и каковъ бы ни былъ исходъ гражданской войны, каковая неизбежно начнется, слѣдствіемъ ея будутъ сепаратный миръ съ нѣмцами, по крайнему моему убѣжденію снова возстановленіе самодержавія, на осколкахъ вассальнаго государства, которое останется отъ Великой Россіи. Побѣдителей въ этомъ междуу-

собѣи не будетъ, такъ какъ тотъ, кто бы имъ оказался, завтра будетъ работою нѣмцевъ. Только въ послѣднюю минуту я настаиваю на необходимости пріостановки отставки генерала Корнилова правительствомъ. Необходимо также свиданіе министра-предсѣдателя съ генераломъ Корниловымъ. Только, если это сточить войну и дибель Россіи на одинъ день—бѣды нѣтъ. Полная безопасность пріѣзда и отъѣзда министра-предсѣдателя гарантируется честнымъ словомъ генерала Корнилова и Лукомскаго». Филоненко 28/VIII.

Послана ли была эта телеграмма Филоненко въ дѣйствительности по назначенію или нѣтъ—неизвѣстно. Но подлинная телеграмма, написанная рукой Филоненко и за его подписью имѣется въ дѣлахъ ставки. Будучи отпущенъ въ Петроградъ рано утромъ 28 августа, при чемъ ему были предоставлены экстренный поѣздъ, Филоненко по пріѣздѣ въ столицу нашель возможнымъ обратиться къ всадникамъ туземной дивизіи со слѣдующимъ обращеніемъ, отпечатаннымъ въ агентскихъ телеграммахъ. «Обращеніе къ кадровымъ солдатамъ туземной дивизіи. Вы знаете меня по 6 арміи и повѣрите, если скажу вамъ, что генераль Корниловъ и ваши начальники обманываютъ васъ, ведутъ въ Петроградъ не противъ большевиковъ, а противъ Временнаго Правительства, желая свергнуть его и возстановить старый строй. Никакіе мои уговоры, никакія убѣжденія мои не подѣйствовали на генерала Корнилова, рѣшившагося начать гражданскую войну и пролить вашу кровь для возстановленія стараго строя. Солдаты, наши начальники поддерживаютъ генерала Корнилова, они тоже измѣнники свободы и родины. Не слушайте ихъ, бросайте ваши полки, которые безъ васъ ничего не могутъ сдѣлать. Идите въ Царское Село къ товарищамъ-солдатамъ и Временному Правительству. Комиссаръ Временнаго Правительства Филоненко. 30/VIII 1917 года.

Выводы изъ изложеннаго ясны сами собой.

Протоколъ

пребыванія б. управляющаго военнымъ министерствомъ САВИНКОВА въ гор. Могилевѣ, 24 и 25 августа 1917 г. и касающійся разговоровъ ген. Корнилова съ нимъ и другими лицами по вопросу, касающемуся ближайш. событій.

24 августа Савинковъ съ поѣзда проѣхаль прямо къ верховному главнокомандующему. Одновременно съ нимъ пріѣхали: начальникъ штаба генерала Корнилова генераль-лейтенантъ Лукомскій и комиссаръ при верховномъ главнокомандующемъ Филоненко.

Войдя въ кабинетъ къ главноверху и поздоровавшись съ нимъ, Савинковъ заявилъ, что ему хотѣлось бы переговорить съ генераломъ Корниловымъ съ глазу на глазъ.

Генераль Лукомскій и Филоненко изъ кабинета вышли.

Разговоръ Савинкова съ генераломъ Корниловымъ касался установленія тѣсныхъ отношеній между генераломъ Корниловымъ и министромъ-предѣдателемъ Керенскимъ, такъ какъ Савинковъ считалъ, что оба эти лица, будучи вождями различныхъ партій, должны работать рука объ руку. Затѣмъ Савинковъ показалъ генералу Корнилову тѣ проекты законовъ, которые выработаны для разсмотрѣнія Временнымъ Правительствомъ на основаніи требованій предъявленныхъ генераломъ Корниловымъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда, примѣрно въ 9 час. вечера, въ кабинетѣ у генерала Корнилова собрались, кромѣ хозяина, Савинковъ, генераль-лейтенантъ Лукомскій и Филоненко.

Сначала обсуждался вопросъ о комитетахъ и комиссарахъ, причѣмъ Савинковъ и Филоненко высказались противъ главсоюза, генерала Деникина, который не можетъ наладить отношенія съ комиссарами и комитетами и высказали опасеніе, что если во главѣ фронтовъ будутъ стоять такіе генералы, то трудно установить дружную работу и это будетъ отражаться на состояніи войскъ.

Генераль Корниловъ и генераль Лукомскій горячо возстали противъ возможности легко убирать отличныхъ боевыхъ генераловъ изъ-за того, что у нихъ являюся иногда шероховатости въ работѣ съ комитетами и комиссарами. Было высказано, что если новое положеніе о комиссарахъ и комитетахъ будетъ составлено вполне определенно, то никакихъ недоразумѣній не будетъ. Хорошихъ же боевыхъ генераловъ слишкомъ мало, чтобы ихъ выбрасывать за бортъ изъ-за всякаго недоразумѣнія.

Затѣмъ Савинковъ предложилъ обсудить вопросъ объ установленіи границъ петроградскаго военнаго губернаторства, которое признается необходимымъ выдѣлить изъ состава петроградскаго военнаго округа при формированіи особой арміи для обороны подступовъ къ Петрограду.

Въ кабинетъ были приглашены генераль-маіоръ Романовскій и полковникъ Барановскій (начальникъ кабинета военнаго министра), которые привесли карты, и полковникъ Барановскій доложилъ о тѣхъ границахъ губернаторства, которыя считаетъ нужнымъ установить изъ Петроградъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ граница была установлена.

До прихода генерала Романовскаго, послѣ доклада полковника Барановскаго о необходимости выдѣлить особое петроградское военное губернаторство, Савинковъ, обращаясь къ генералу Корнилову почти дословно сказалъ слѣдующее:

Такимъ образомъ, Лавръ Георгіевичъ, ваши требованія будутъ удовлетворены Временнымъ Правительствомъ въ ближайшіе дни, но

при этомъ правительство опасается, что въ Петроградѣ могутъ возникнуть серьезныя осложненія.

Намъ, конечно, извѣстно, что примѣрно 28 или 29 августа въ Петроградѣ ожидается серьезное выступленіе большевиковъ. Опубликованіе вашихъ требованій, проводимыхъ черезъ Временное Правительство, конечно, послужитъ толчкомъ для выступленія большевиковъ, если послѣднее почему-либо задержалось.

Хотя въ нашемъ распоряженіи и достаточно войскъ, то на нихъ мы вполнѣ рассчитывать не можемъ. Тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, какъ къ новому закону отнесется с. р. и с. д. Послѣдній также можетъ оказаться противъ правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можемъ.

Поэтому прошу васъ отдать распоряженіе о томъ, чтобы 3-й конный корпусъ былъ къ концу августа подтянутъ къ Петрограду и былъ предоставленъ въ распоряженіе Временнаго Правительства.

Въ случаѣ, если, кромѣ большевиковъ, выступятъ и члены с. р. и с. д., то намъ придется дѣйствовать и противъ нихъ. Я только прошу васъ во главѣ 3-го военного корпуса не присылать генерала Крымова, который для насъ не особенно желателенъ. Онъ очень хорошій, боевой генералъ, но врядъ ли пригоденъ для такихъ операцій.

Послѣ этого пришелъ генералъ Романовскій и были окончательно установлены границы петроградскаго военного губернаторства.

Затѣмъ Савинковъ вновь вернулся къ вопросу о возможномъ подавленіи при участіи 3-го коннаго корпуса выступленія въ Петроградѣ большевиковъ и с. р. и с. д., если послѣдній пойдетъ противъ Временнаго Правительства. При этомъ Савинковъ сказалъ, что дѣйствія должны быть самыя рѣшительныя и беспощадныя.

На это генералъ Корниловъ отвѣтилъ, что онъ иныхъ дѣйствій и не понимаетъ, что инструкціи будутъ даны соответственныя и что онъ вообще къ вопросу употребленія войскъ при подавленіи безпорядковъ относится серьезно и уже имъ отдавалось приказаніе о преданіи суду тѣхъ начальниковъ, которые допускаютъ стрѣльбу въ воздухъ. Что и въ данномъ случаѣ, разъ будетъ выступленіе большевиковъ и с. р. и с. д., то также будетъ подавлено со всей энергіей.

Полковникъ Барановскій, стоявшій около стола, съ своей стороны прибавилъ: конечно, необходимо дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ и ударить такъ, чтобы это почувствовала вся Россія.

Послѣ этого Савинковъ, обращаясь къ генералу Корнилову, сказалъ, что необходимо, дабы не вышло недоразумѣніе и чтобы не вызывать выступленія большевиковъ раньше времени, предварительна сосредоточить къ Петрограду военное губернаторство на военномъ положеніи и объявить новый законъ, устанавливающий цѣлый рядъ ограниченій.

Дабы Временное Правительство точно знало, когда надо объявить петроградское военное губернаторство на военномъ положеніи и когда опубликовать новый законъ, надо, чтобы генералъ Корниловъ

точно протелеграфировалъ ему, Савинкову, о времени, когда корпусъ подойдетъ къ Петрограду.

Послѣ этого Савинковъ и Бараповскій ушли.

Въ доказательство соглашенія генерала Корнилова съ управляющимъ военнымъ министерствомъ Савинковымъ о подводѣ къ Петрограду 3-го коннаго корпуса приводится слѣдующій текстъ телеграммы, отправленной Савинкову въ зашифрованномъ видѣ 27 августа въ 2 часа 40 минутъ:

«Управляющему».

Корпусъ сосредоточился въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру 28 августа. Прошу объявить Петроградъ на военномъ положеніи 29 августа, № 6394 генераль Корниловъ.

Подлинный подписалъ: *генераль-отъ-инфантеріи Корниловъ, генераль-лейтенантъ Лукомскій, генераль-маіоръ Романовскій.*

*Съ подлиннымъ вѣрно: генеральнаго штаба полковникъ.
(Подпись неравборчива).*

Исторія

переговоровъ съ бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода Владиміромъ ЛЬВОВЫМЪ.

Переговоры съ членомъ I-й Госус. Думы А. Ф. Аладьинымъ.

17 августа по дорогѣ изъ Москвы въ Могилевъ, въ вагонѣ ставки представился А. Ф. Аладьину Иванъ Александровичъ Добрынский.

21 августа И. А. Добрынский представилъ А. Ф. Аладьину—Владиміра Николаевича Львова въ Національной гостинницѣ въ Москвѣ.

В. Н. Львовъ заявилъ Аладьину, что онъ поѣдетъ въ Петроградъ къ Керенскому и, какъ его близкій другъ, будетъ настаивать на необходимости сформировать министерство, пользующееся довѣріемъ страны и всѣхъ частей арміи.

23 августа Львовъ вернулся изъ Петрограда и заявилъ Аладьину, что онъ получилъ отъ Керенскаго полномочія передать, что:

- 1) Керенскій согласенъ вести переговоры со ставкой;
- 2) переговоры должны вестись черезъ него, Львова;
- 3) Керенскій согласенъ на образованіе кабинета, пользующагося довѣріемъ страны и всѣхъ частей арміи:

4) въ виду этого должны быть поставлены опредѣленные требованія;

5) должна быть выработана определенная программа;

6) переговоры должны вестись негласно.

Заявление это Львовъ сдѣлалъ Аладьину у себя въ номерѣ въ Национальной гостинницѣ въ присутствіи Добрынскаго.

Негласность переговоровъ мотивировалась Львовымъ тѣмъ, что Керенскій опасается за свою жизнь со стороны поддерживающихъ его группъ, если бы послѣднія узнали о переговорахъ раньше, чѣмъ они будутъ закончены.

Послѣ заявленія Львова о полномочіяхъ отъ Керенскаго, онъ и Добрынскій выѣхали въ ставку. Имъ было дано Аладьинымъ письмо къ В. С. Завойко, смыслъ котораго былъ тотъ, что Львовъ заявилъ о полученіи полномочій отъ Керенскаго и желаетъ вести переговоры отъ имени послѣдняго.

(Подписаль) *Алексѣй Аладьинъ, членъ 1-й Государственной Думы.*

Вѣрно:

Генеральнаго штаба полковникъ.

(Подпись неразборчива).

БЕЗЪ ЗАБРАЛА.

Открытое письмо В. Пуришкевича большевикамъ Совѣта Петроградскихъ Раб. Депутатовъ.

Пользуясь свободой слова, равной для всѣхъ, я, по обыкновенію своему, выступаю открыто и посылаю вамъ рядъ нижеприводимыхъ обвиненій, требуя на нихъ категорическаго отвѣта:

Я обвиняю васъ:

1) Я обвиняю васъ прежде всего въ томъ, что вы въ своихъ выгодахъ и цѣляхъ запугиваете русскій народъ и русскую демократію возможностью стараго режима и торжества реакціонной низвергнутой власти, чего быть не можетъ въ случаѣ побѣды нашей надъ внѣшнимъ врагомъ.

Вы знаете, что это ложь, но вы провозглашаете ее завѣдомо съ опредѣленной цѣлью, да бы не позволить народу успокоиться и вернуться къ мирному труду, ибо вамъ нужна смута, волненіе, беспорядокъ, подъ именемъ коего вы понимаете свободу, обращаему Вами въ анархію.

Вы знаете, что старая власть не можетъ воскреснуть, ибо весь старый строй русской государственной жизни, цѣ огнившій сверху до низу, былъ карточнымъ домикомъ, упавшимъ отъ легкаго дуновения волны свѣжихъ, здоровыхъ національныхъ чувствъ народныхъ.

Вы знаете, что защитниковъ стараго режима нѣтъ и быть ихъ не можетъ въ Россіи, ибо это было бы предательство противъ Россіи, измѣной Родинѣ въ тяжелые, переживаемые нами дни военной брани и, тѣмъ не менѣе, зная все это, вы продолжаете деморализовать народъ днми массы, дѣйствуя на психику толпы и на ея инстинкты. Въ этомъ мое первое къ вамъ обвиненіе.

2) Я обвиняю васъ въ томъ, что вы дерзаете подрывать престижъ власти Временнаго Правительства въ глазахъ народа. Что вы, учредивъ какой-то оыскъ и установивъ какой-то контроль изъ членовъ своей ореды, никѣмъ не признанныхъ и отъ всего народа полномочій не получившихъ, создаете анархію въ Россіи, порождая мысль въ не-

посвященной толпѣ, что отечествомъ нашимъ распоряжаются двѣ силы, изъ которыхъ одна должна находиться подъ подозрѣніемъ въ чистотѣ своихъ помысловъ и искренности своихъ намѣреній, и эта власть—Временное Правительство, а другая, безкорыстно служа народу, приведетъ его къ молочнымъ рѣкамъ и кисельнымъ берегамъ— и эта власть вы.—Я обвиняю васъ въ этомъ, считая дѣйствія ваши величайшимъ преступленіемъ противъ Родины въ настоящее время, когда сильный врагъ у воротъ нашихъ, и надъ государственнымъ существованіемъ нашимъ занесенъ отточенный ножъ, готовый поразить Россію въ самое сердце.

3) Я обвиняю васъ въ томъ, что вы, будучи ничѣмъ инымъ, какъ группою уполномоченныхъ только отъ петроградскихъ рабочихъ, позволяете себѣ говорить отъ имени всей Россіи. Дерзаете посягать на управленіе всей Россіей, забывъ о крестьянской Россіи, о томъ, что интересъ русскаго миллионнаго крестьянства не только не имѣетъ ничего общаго съ вашими фабрично-заводскими интересами, что, наоборотъ, имъ взаимно противоположенъ: хлѣборобу-солдату выгодно продать свой хлѣбъ дороже, а рабочимъ — купить его дешевле.

Я обвиняю васъ, что вы, самозванцами добравшись до власти, занимаетесь политическимъ шантажемъ въ нѣдрахъ Россіи, сѣете въ ней классовую рознь, возбуждая сословія одно противъ другого, и толкаете народъ на путь погромовъ и аграрныхъ беспорядковъ печатнымъ словомъ своихъ органовъ, разбрасываемыхъ рукой ловкихъ агитаторовъ изъ вашей среды по медвѣжьимъ угламъ, по селамъ и весямъ Россіи.

4) Я обвиняю васъ, что вы преступно развращаете русскую армію въ тотъ часъ, когда, одушевленная сознаніемъ значенія происшедшаго переворота, она могла бы показать міру картину невиданнаго величія духа и военной мощи русскаго народа, что ускорило бы окончаніе войны торжествомъ побѣды русскаго оружія. Не распатывайте вы въ ней дисциплину. Я обвиняю васъ въ безконечныхъ и бездѣльныхъ жертвахъ разгула вашего, перепроникшаго въ армію, поселившаго недоувѣріе между солдатами и офицерами, которые въ теченіе болѣе двухъ съ половиною лѣтъ, живя въ дружбѣ и соглашіи, братьями въ окопахъ, отстаивали честь родины на ея границахъ, страдая, терпя и умирая за родныя святыни. Я обвиняю васъ въ силу этого во всѣхъ неудачахъ русскаго оружія послѣднихъ дней и открыто говорю, что вы, а не кто иной, являетесь отвѣтственными передъ исторіей Россіи, за дальнѣйшія ея страницы, ибо судьба народа куется не рокомъ, а является слѣдствіемъ создаваемыхъ событій отъ рукъ человѣка.

5) Я обвиняю васъ въ томъ, что, будучи совершенно чуждыми пониманію государственныхъ задачъ Россіи, вы учитываете политическую темноту и незрѣлость ея народа и, преступно пользуясь свободой слова, позволяете себѣ не только искажать смыслъ, цѣль и задачи той міровой войны, въ которую ввергнута Россія помимо свое-

воин, но и создаете въ народныхъ массахъ и въ арміи глухое броженіе противъ осуществленія послѣ побѣды государственнo-историческихъ задачъ нашей родины, уложенной на поляхъ брани во имя этихъ задачъ за два съ половиной года войны уже нѣсколько миллионoвъ цѣта своего населенія и красоты своего народа. Я обвиняю васъ въ томъ, что вы подрываете довѣріе къ намъ нашихъ союзниковъ своими злонамѣренными рѣчами и призывами къ преждевременному миру во имя какихъ-то отвлеченныхъ идеаловъ всемірнаго единства пролетаріата, возбуждающихъ насмѣшливую отпорѣдь вамъ со стороны нашего зарубежнаго врага, проникнутаго мыслью, что онъ прежде всего нація, а потомъ уже членъ семьи и народныхъ пролетаріевъ и недопускающаго компромисса въ вопросахъ защиты національной неприкосновенности и цѣлости своего государственнаго единства.

Я обвиняю васъ въ томъ, что, преслѣдуя эти задачи, вы понижаете боеспособность русской арміи, давая право каждому члену ея быть компетентнымъ судьей задачъ исторической борьбы русскаго народа и усугубляя тѣмъ самымъ разномысліе въ рядахъ арміи, цѣль коихъ должна быть одна побѣда, каковой быть не можетъ при условіи попытокъ отдѣльныхъ ея единицъ обсуждать приказанія, идущія сверху и степень ихъ цѣлесообразности въ смыслѣ обороны или наступленія.

6) Я обвиняю васъ въ томъ, что вы, примкнувшіе къ дѣлу ниспроверженія стараго режима, нодѣ лозунгомъ: долой измѣнниковъ, предателей, шпіоновъ, строящихъ преграды Россіи въ дѣлѣ борьбы ея съ вѣдшимъ врагомъ, не дающимъ оружія арміи и стѣсняющимъ цѣятельность ея военныхъ заводовъ, теперь, когда этихъ героевъ русскаго позора уже нѣтъ, когда впереди насъ должно быть свѣтло и ясно, позволяете себѣ кричать о преждевременномъ мирѣ, искажаете въ глазахъ народа смыслъ и цѣли веденія имъ войны и вливаете бодрость въ душу германскихъ имперіалистовъ, черпающихъ энергію наступленія въ вашихъ призывахъ къ міру и въ той дезорганизаціи, которую вносите наши предательскіе крики въ рядахъ русской арміи и въ тылу русскаго народа, безропотно отдавашаго на алтарь Отечества всѣ свои духовныя и матеріальныя силы въ теченіе всего срока непримѣрной борьбы народовъ.

7) Я обвиняю васъ въ томъ, что вы призываете къ праздности рабочую среду, что вы вводите 8-ми часовой рабочей день сейчасъ, когда слѣдствіемъ скудости фабрикъ и заводовъ военнаго характера и недостаточнаго количества мастеровъ-спеціалистовъ рабочей должнъ былъ бы напрячь всѣ свои силы, чтобы не отстать въ героизмѣ отъ русскаго солдата, безземленно въ теченіе многихъ лѣтъ, дней и недѣль, сидящаго полуодѣтымъ въ холодныхъ окопахъ.

Я обвиняю васъ въ непримѣрномъ отсутствіи патріотизма, въ пренебреженіи насущнѣйшимъ нуждамъ русскаго войска, въ нежеланіи оборудовать его технически, въ высшей мѣрѣ непродуктивности нашего тылового труда.

Я обвиняю васъ въ томъ, что, числясь въ большинствѣ на учетѣ какъ военнообязанные вы вносите полную разруху въ дѣятельности тѣхъ, которые должны работать день и ночь, ибо степень ихъ производительности является одной изъ существенныхъ гарантій нашего боевого успѣха.

8) Я обвиняю васъ въ томъ, лицемеры, кричащіе о свободѣ, что никогда въ Россіи цензура мысли, слова и дѣла не достигала такихъ ужасающихъ размѣровъ, какихъ она достигла сейчасъ, благодаря вамъ, вамъ однимъ. Я обвиняю васъ въ томъ, что у каждого печатнаго станка вы поставили своего шпика и фіжера, что вы зажали ротъ какъ никогда, людямъ, иначе мыслящимъ и нежелавшимъ вмѣстѣ съ вами пѣть акафистовъ русской революціи теперь, когда усилиями народа старое повержено въ прахъ и молодые побѣги права и свободы требуютъ лишь укрѣпленія здоровымъ и честнымъ трудомъ и словомъ обновленной русской власти, единой въ Россіи законной до Учредительнаго Собранія Временнаго Правительства.

9) Я обвиняю васъ въ томъ, что среда ваша кипитъ безконечнымъ числомъ провокаторовъ, раньше работавшихъ на средства департамента полиціи, а сейчасъ несомнѣнно нашедшихъ поддержку своему существованію въ щедрыхъ карманахъ Гогенцоллерновъ. Кто, какъ небезызвѣстные божьаки изъ среды вашей толкнули толпу громить суды въ столицѣ и охранныя отдѣленія. Кому, какъ не имъ, выгодны были пожары этихъ учрежденій, въ пеплѣ коихъ погбили списки слугъ старой охранки, занимавшимъ одновременно крупныя посты въ организаціяхъ вашихъ и отдавшимъ себя дѣлу преступнаго провока торства и на страницахъ партійныхъ газетъ, и даже съ трибуны Государственной Думы. Вамъ ли отрицать правдивость моего обвиненія? Вамъ ли, давшихъ Азефовъ, Малиновскихъ и Черномазовыхъ и хранящимъ въ нѣдрахъ своихъ партій несчетное число имъ подобныхъ, но вамъ невѣдомыхъ и успѣвшихъ въ дыму пожаровъ сжечь слѣды своей прошлой работы на два фронта, дабы открыть себѣ новые пути преступнаго труда во славу и благополучіе нѣмецкаго оружія, черпающаго надежды на будущее смятеніе умовъ народныхъ у насъ, надъ чѣмъ работаютъ многіе изъ вашихъ идейныхъ борцовъ за свободу народа.

10) Я обвиняю васъ въ томъ, что вы держите въ напряженіи народную толпу, что вы обращаете ее въ чернь своими призывами, своими митинговыми рѣчами, своими процессіями, на знаменахъ коихъ вы изображаете дозунги, дразнящіе низменные инстинкты толпы и сулящіе ей неосуществимыя блага къ достиженію коихъ можетъ быть только одинъ путь—путь анархіи и дикаго произвола.

Я обвиняю васъ въ томъ, что, игравъ на нервахъ толпы, вы заставляете ее искать только хлѣба и зрѣлища, что въ революціи вы видите не средство, а самоцѣльную цѣль, обращая блуждающія стада мятущихся по столицѣ манифестантовъ всѣхъ возрастовъ,

всѣхъ половъ, всѣхъ профессій, забывшихъ о дняхъ войны и ставшихъ насущнымъ орудіемъ вашей злонамѣренной воли.

Я обвиняю васъ, наконецъ, въ томъ, что въ области свободы вы держите въ столицѣ громадное количество войскъ, необходимыхъ на фронтѣ, и что привилегированное положеніе войскъ петроградскаго гарнизона вызываетъ къ нимъ непріязнь въ рядахъ армій, отстаивавшей грудью интересы родины отъ дерзкаго врага и не признающей своей заслуги меньшей передъ отечествомъ, чѣмъ заслуги тѣхъ, которые волей судьбы оставались въ тылу, возстали и завоевали народамъ Россіи лучозарное благо гражданской свободы.

Таковы вамъ мои обвиненія. Посмѣйте сказать, что я неправъ. Бросаю вамъ свой вызовъ съ открытымъ забраломъ. Я одинъ изъ первыхъ глашатаевъ русской свободы и въ ночь на 17 декабря доказалъ это словомъ и дѣломъ*), когда старая власть была сильна и когда въ борьбѣ съ нею можно было пасть и погибнуть. Я зову васъ къ отвѣту я говорю, что вы толкаете Россію на путь реакціи, что вы отбрасываете далеко назадъ тѣхъ, которые искали отвѣта и правды въ силѣ народнаго движенія. Въ лицѣ вашемъ и въ характерѣ дѣятельности вашей я вижу сильнѣйшую угрозу успѣху развитія новаго строя, ибо каждый строй держится властью, а вы посягаете на ту неокрѣпшую народную власть, которая должна опираться на довѣріе къ себѣ Россіи, будучи къ тому же временной и обремененной задачами новаго государственнаго строительства на дымящихся развалинахъ проклятаго народомъ, губительнаго стараго режима.

Встаньте на защиту своихъ прямыхъ задачъ профессиональнаго рабочаго характера, подайте дѣятельную помощь трудовому классу, установите взаимныя отношенія работодателя и рабочаго, и страна скажетъ вамъ спасибо па зарѣ русской свободы, ибо теперь больше, чѣмъ когда-либо, передъ всѣми нами широкое поле организационной работы. Но неуполномоченные русскимъ народомъ въ дѣлѣ государственнаго строительства, лишеныя опыта, не смѣйте касаться скрижалей обновленія всего русскаго государственнаго корабля.

Вы—не народъ, вы одинъ изъ классовъ своего народа, и, посягая на рѣшеніе задачъ государственныхъ, вы совершаете величайшее преступленіе противъ Россіи, которая не проститъ вамъ дерзновенныхъ покушеній на захватъ кормила власти и раньше или позже смететъ васъ съ тѣхъ горныхъ мѣстъ, куда вы такъ дерзновенно и святотатственно забрались. Назовитесь, наконецъ, кто вы такіе. Дайте отвѣтъ Россіи, кто призвалъ васъ къ власти, какова ваша профессія. Кто уполномочилъ васъ говорить отъ имени народа, истолковывать его желанія. Великое государство, будетъ ли оно монархія или республика, не можетъ управляться псевдонимами. Не товарищи: Петръ, Иванъ, Василій Нахамкесъ (Стекловъ) должны и въ правѣ руководить 170-ти милліоннымъ народомъ, а только тѣ, которые

*) Въ ночь на 17 декабря былъ убитъ Распутинъ и въ убійствѣ его ближайшее участіе принялъ В. Пуришкевичъ.

пользуются у него извѣстностью, которыхъ онъ знаетъ, которыми вѣрить и за которыми пойдетъ.

Да здравствуетъ Временное Правительство, единая законная власть въ Россіи впредь до Учредительнаго Собранія. И да исчезнуть съ политическаго горизонта нашей Родины всякаго рода самозванцы, подъ видомъ защиты блага общественнаго, посягающіе на честь, достоинство и величіе Россіи, созданной усиліями и трудомъ ряда угасшихъ поколѣній не для того, чтобы стать игрушкой въ рукахъ безвѣстныхъ, быть-можетъ, провокаторовъ, въ тотъ часъ, когда надъ нею занята заря величія, славы и свободы. Къ отвѣту васъ, къ сѣвѣу, лидерѣры съ душою Іанна и руками Понтія Пилата.

Подлинное подписалъ Депутатъ В. М. Пуришкевичъ.
